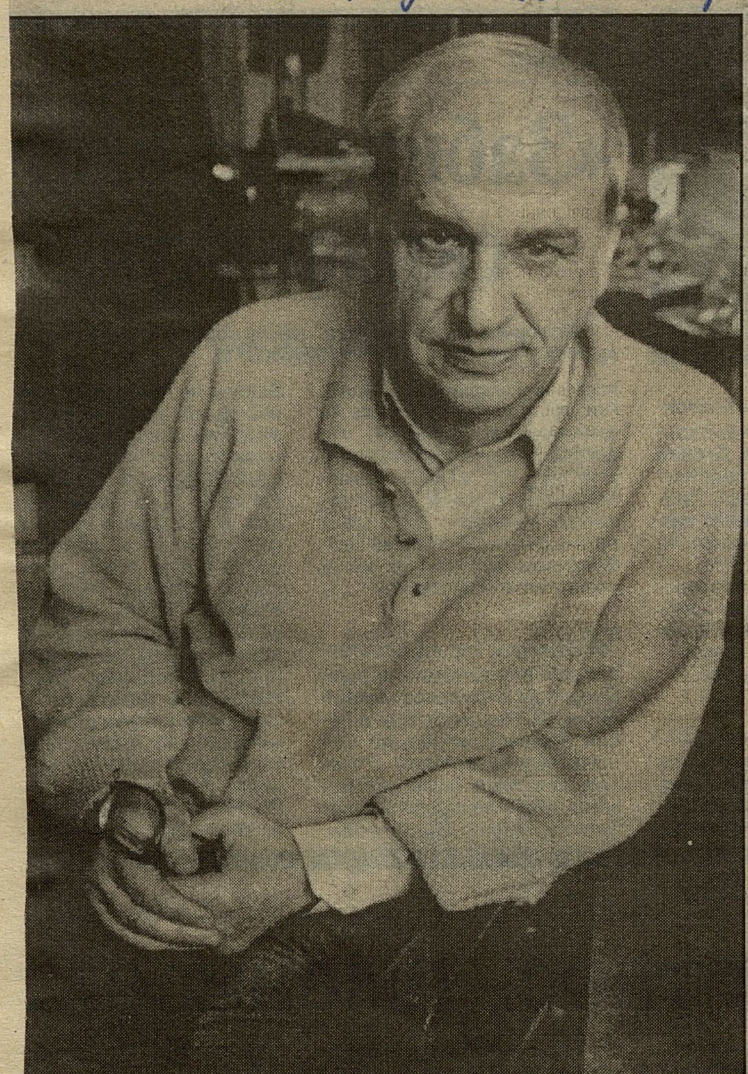

11.4.95.

Век. кнуб. - 1995. - Напр. - с. 7.

Сухарев Дмитрий Антонович

Гость "ВК"

В этом мире нет невозможного, поэтому "ВК" допускает, что вы забыли имя Дмитрия Антоновича Сухарева. Но это-то помните?

О, сладкий миг, когда старик
Накрутит шарф под самый нос
И скажет псу: "А ну-ка, пес,
пойдем во дворик"...

А "Брич-муллу"? А "Альма матер"? И так, вы вспомнили. Есть такой поэт, на чьи стихи барды любят сочинять песни. Есть такие песни, которые поют от Москвы до самых до окраин.

В гостях у "ВК" Дмитрий Сухарев вот по какому поводу: со следующего понедельника он будет вести у нас рубрику "Золотая кассета". Принцип отбора песен и авторов — какие "самые-самые" записи ведущий рубрики взял бы на необитаемый остров. Сразу скажем, что в одну кассету уложиться будет невозможно.

Дмитрий
СУХАРЕВ:

«Вижу со сцены: шевелят губами, повторяют слова. Знают песни».

— Дмитрий Антонович, ваше поколение шестидесятников, несомненно, ощущало себя детьми и творцами "оттепели". Насколько вы были смелы? Знаю, например, что когда Галич на вопрос о своем политическом идеале осторожно ответил: "Февраль", многих это шокировало.

— Не могу сказать, что я, как Галич или Коржавин, задумывался над такими вопросами. Я просто жил в атмосфере тех лет и даже не чувствовал себя проводником каких-то перемены. Мы видели, что одни люди лучше, другие хуже, и старались иметь дело с теми, кто лучше, а тех, кто нам противен, не замечать. Вот на таком уровне.

— В семьдесят пятом году вы написали: "Все-таки вольная песня в России жива, все-таки каждый второй понимает слова". А сейчас, по-моему, каждый дееспособный. По улице идешь и оглядываешься. Вы не жалеете о прошлом?

— Да, на улице сейчас могут стукнуть. Хотя, по-моему, стучат в основном людей, которые нахватили слишком много. Но я не хожу, как раньше, из магазина в магазин стоять в очередях, не записываюсь на эти жуткие заказы, в которых тебе что дают, то и бери, потому что другого нет, не вожу куда-нибудь в Казань мясо для знакомых, не перебираю картошку на овощебазе... Раньше меня постоянно унижали. Я должен был чувствовать себя человеком второго или десятого сорта. Независимо от того, что я делал, меня не избирали туда-то, не пускали туда-то. Потому что беспартийный, потому что не со всеми пунктами анкеты у меня порядок... Я уж не говорю о гласности, которую сейчас все признают достижением реформ.

— Вы помните, какое первое ваше стихотворение было положено на музыку?

— Да нет же, когда я учился в университете на биофаке, мы непрерывно сочиняли что-нибудь для наших вечеров. Это были как бы однодневки, но некоторые из песен того времени поют и сейчас.

— Поэты по-разному относятся к тому, что их стихи поют. Одни видят в этом признание, другие — профанацию.

— Мне интересно композиторское решение песни — будь она на мои или чужие стихи. Если это талантливое решение, музыка выявляет в стихотворении какую-то из уже существовавших в нем музыкальных тем. Композиторы любят с легким кокетством сказать, мол, музыка уже была в этом стихотворении, я только ее вытащил. Но вытаскивает-то каждый свое! Взять хотя бы "Каждый выбирает для себя" Левитанского. На это стихотворение писали музыку Никитин и Берковский, и обе песни, на мой взгляд, точно выражают то, что было в стихах. Но выражают совершенно разные части поэтического содержания.

— Почему одних поэтов поют, других — нет?

— Тут некоторая стадность. Есть отличные поэты, которых легко было бы положить на музыку. Но кто-то первый не показал примера, и они так и остаются вне авторской песни. Я, например, не припомню ни одной песни на стихи Николая Старшинова, Владимира Корнилова. Хотя, казалось бы, писать на них песни гораздо легче, чем на Бродского.

— Но Бродского-то Александр Мирзаян начал петь, чтобы обнародовать его запрещенные стихи. Потом, кстати, Мирзаян еще и досталось: мол, почему не называл имя автора — хотел стихи присвоить? А разве можно было назвать на концерте имя Бродского...

— Это как сказать. Мирзаян и сейчас поет эти стихи, у него очень богатая музыка. С таким поэтом, как Бродский, просто труднее справиться. Но, скажем, на стихи Слуцкого есть всего одна песня — "Лошади в океане", и вроде никто больше ничего путного не написал. А на других поэтов в авторской песне есть мода, как, например, на Шпаликова. Я бы не сказал, что он такой уж известный поэт. Но кто-то из известных бардов его первый для себя открыл — может быть, Никитин был пер-

вый, — и все сразу стали писать на стихи Шпаликова.

— Вы проводите четкую грань между самодеятельной песней и авторской песней?

— Нет. Жанр авторской песни родился в недрах самодеятельной песни. Но сейчас есть профессиональная авторская песня и самодеятельная авторская песня. Я не теряю интереса к самодеятельности, потому что, во-первых, именно из нее берутся профессионалы, во-вторых, профессиональная авторская песня, как и многое другое, сильно коммерциализировалась, что не пошло ей на пользу. Невозможно этим заниматься, сохраняя духовное состояние тех времен, когда авторская песня была неким островком свободы.

— Сколько я ни добивался от различных авторов определения, что же это за жанр — авторская песня, все говорили что-то о духовности, о поэзии, но по сути это было: "Авторская песня — та, которую пою я".

— Мне кажется, что нельзя жанр связывать с человеком. Взять Аллу Пугачеву — вы знаете, как она поет, но в фильме "Ирония судьбы..." она пела в жанре авторской песни. И Таривердиев в том же фильме писал музыку в жанре авторской песни. Хотя, конечно, ни Пугачеву, ни Таривердиева невозможно записать в барды. Бард — это тот, кто работает только в этом жанре.

— Есть замечательные песни на замечательные стихи, но они немассовые. Зато массовая, например, "... мои губы вспоминай, мои руки вспоминай и глаза не забывай" — это же звучит как пародия.

— А что вы хотите? Каждая песня бытует в своей аудитории. Моя дочь в пять лет принесла из детского садика песню "Есть беседка в го-

атральный" — у меня матушка получила этот участок, она в свои восемьдесят четыре года до сих пор работает в Театре имени Маяковского. Кто бы видел, как вроде бы интеллигентные люди, выходя из своих дач, в чудесном лесу выбрасывают мусор! Или у меня в институте Академии наук туалеты, в которые невозможно войти... Конечно, стыдно. На каждом шагу.

— Кем вы себя чувствуете — пастырем таких людей или одним из них?

— Я не считаю, что они хуже меня.

— То есть вы, доктор наук, признанный поэт, не считаете, что находитесь, выражаясь высоким штилем, в авангарде человечества?

— Доктор наук... А вы знакомы хоть с одним академиком? Во многих отношениях это примитивные люди. Не стоит доверять расхожему мнению, что чем выше ученая степень, тем будто бы выше умственный потенциал. Человек может достичь высоких степеней в своей области, пожертвовав всем остальным, и разговаривать с ним на другие темы может быть неинтересно. То же и в искусстве — не всем дано иметь острый ум Фаины Раневской, да он и не требуется от актера.

— А кто ваш любимый актер?

— Я очень любил Бабанову. Мое детство во время войны прошло буквально за сценой театра, и Мария Ивановна казалась мне идеальной актрисой — как и потом, когда я стал взрослым.

— Вы себя считаете типичным ученым своего поколения?

— Люди, работающие в науке, тоже очень разные. Некоторые, будучи еще студентами, казались профессорами. Было у них такое самоощущение. А у меня самоощущение, что я младший научный сотрудник. С удовольствием бы занимался наукой и ничем, кроме нее, но вынужден печатать какие-то бюджеты, заявки и так далее.

— Вы заведующий лабораторией?

— Да, в Институте биологии развития РАН. Только, ради Бога, не пишите, что вот он ученый, а еще и стихи сочиняет.

— Знаю, что Кир Булычев, уже будучи известным писателем, тщательно скрывал это на работе — он историк, тоже доктор наук.

— Молодец, что скрывал. Кстати, одна женщина, которая что-то такое о нем слышала, уговаривала меня признаться, что я — Кир Булычев. Я не признался, но ее не убедил...

В человеке могут уживаться две натуры, две роли. Плохо, когда окружающие их смешивают и обращаются к ученому как к писателю и наоборот.

— Кто сейчас идет в научные сотрудники — ведь научная работа выпала из разряда престижных?

— Не могу пожаловаться: у меня работают молодые люди, которыми я очень доволен.

— Есть такая точка зрения: сейчас всех ценных ученых перекупили Запад, а потом придется создавать научные школы на пустом месте.

— Недавно я работал полгода в Канаде и могу заверить, что уехавшие туда бывшие наши — вовсе не цвет науки. Скорее, это люди с ощущением, что им недодали. Это плохо совместно с талантом.

— Сейчас многие склонны как бы отстаивать авторскую песню в шестидесятых годах: было, мол, такое явление и прошло.

— Это потому, что практически все поколение шестидесятников отдало дань авторской песне во студенчестве, а о нынешнем ее состоянии просто не знает. И семидесятые годы, и восьмидесятые дали своих авторов. Был какой-то спад, потом снова подъем. Сейчас аудитория устоялась.

— Взгляд со сцены: какая эта аудитория?

— И поколение шестидесятых, и студенты. На фестивале в Казанском университете зал был битком набит — в основном молодежь, но не это главное, а то, что все знало песни. Я видел из-за занавеса: шевелят губами, повторяют слова.

— Дмитрий Антонович, кого из молодых авторов вы бы назвали в ряду первых?

— Это отдельный разговор.

— Тогда беру с вас обещание провести этот отдельный разговор на страницах "ВК".

На концерте с Сергеем Никитиным.

роде Черказе" — так этот город звучал в ее исполнении, — там враги пытали пионерку, и "девочка повешена была". Дочка рыдала. Прошло много лет, и вот уже внучка приносит из своего детского сада ту же песню. Значит, она не умирает, живет десятилетиями, обслуживая только свою возрастную категорию — детсадовскую. Так что не надо навязывать людям нечто превышающее их понимание. Но я согласен с вами в том, что авторская песня — национальное достояние. У других народов такой песни нет.

— Вы политизированный человек?

— Нет. Когда началась перестройка, смотрел политические передачи — как и все в ту пору смотрели, но без аффектации.

— Чего бы вы хотели для себя и для страны?

— Чтобы мне не было стыдно за себя, за свою страну и свой народ.

— А бывает стыдно?

— Часто. Когда я вижу беззаконие, вижу то, как мы замусорены во всем. И не только в главном, о чем всем известно, но и в мелочах. Скажем, у меня на шести сотках огород. Садоводческий кооператив называется "Те-

Гостя принимал Евгений НЕКРАСОВ. Фото Игоря ИВАНДИКОВА и из архива Д. Сухарева.